

п/
369

1
369

СБОРНИК
РАБОТ АСПИРАНТОВ КАФЕДР
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

[Вып. 1]

Дом Ученых
Ш 2414

Магич 22, 1964

Н. А. Горбанев

Г. В. ПЛЕХАНОВ О ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. НАУМОВА

По воспоминаниям Бонч-Бруевича, В. И. Ленин не раз «высказывал уверенность в том, что у нас должны появиться критики и публицисты, которые изучат всю народническую литературу с точки зрения отображения в ней положения рабочего класса и крестьянства»¹. Осуществление задачи, выдвинутой В. И. Лениным, невозможно без обращения к статьям Г. В. Плеханова, которые много дают для понимания народнической литературы 70—80-х годов и творчества отдельных ее представителей.

Прежде всего, в статьях Плеханова вырисовывается цельная и стройная концепция развития народнической литературы в 70—80-е годы. Разбирая произведения Н. И. Наумова, Н. Н. Златовратского, Г. И. Успенского и С. Каронина (Н. Е. Петропавловского), Плеханов оттенял «особый характер» разработки каждым из них магистральной темы народнической литературы — темы крестьянской. При этом своеобразие отображения народной жизни в произведениях того или другого писателя ставилось Плехановым в зависимость от принадлежности его к определенному этапу в истории литературного народничества.

В каком же виде рисовалась Плеханову картина развития народнической литературы в 70—80-е годы? Какое место отводил он в ней Наумову? Ответ на эти вопросы дает до некоторой степени история публикации серии статей «Наши беллетристы-народники».

Первоначально эта серия состояла из двух статей: «Г. И. Успенский» и «С. Каронин», опубликованных в 1888 и в 1890-м годах в сборниках «Социал-демократ». В 1897 году в журнале «Новое слово» Плеханов поместил статью «Н. И. Наумов». В

¹ В. Бонч-Бруевич. Ленин о книгах и писателях, «Литературная газета», 1955, 21 апреля.

1905 году он включил ее, вместе с двумя другими, в легальный сборник своих работ «За двадцать лет», причем вынес статью о Наумове на первое место. В двух последующих изданиях сборника (1905 и 1908 гг.) ни состав серии, ни порядок следования статей в ней Плехановым не менялся. Вопреки воле автора, этот порядок был изменен редактором первого собрания сочинений Плеханова, который в десятом томе этого издания расположил статьи о беллетристах-народниках в порядке их написания. Этот хронологический принцип сохранился во всех других публикациях плехановского литературно-критического цикла.

Между тем вариант сборника «За двадцать лет», воплощавший волю самого автора¹, не был, конечно, случайным. Очевидно, он почему-то лучше отвечал замыслу Плеханова. Почему же?

Предпосылая своим ранним работам статью о Наумове, Плеханов, как нам кажется, тоже следовал хронологии, но хронологии иного порядка. Дело в том, что в этой статье он рассматривал Наумова как писателя, типичного для народнической литературы 70-х годов, т. е. ее раннего периода, и не мог, не смещая исторической перспективы, заключать разбором его творчества свою серию, предыдущие статьи которой были посвящены творчеству Успенского на переломе 70—80-х годов и творчеству Каронина 80-х годов. К тому же творчество Каронина он считал новым в сравнении с Успенским звеном в развитии литературы народников, «новым направлением в ней»². Б силу этого плехановская серия только в том виде, какой был придан ей в сборнике «За двадцать лет», приобретала композиционную слаженность и внутреннее единство, являясь не просто суммой статей, а цельным исследованием народнической литературы в ее движении и развитии.

Таким образом, Наумов с точки зрения Плеханова — писатель, характерный для народнической литературы «эпохи семидесятых годов» (X, 110)³. Точно так же смотрели на Наумова и другие критики, писавшие о нем в 90-е годы. «В народнической литературе 70-х годов, — указывал, например, А. Богданович, — имя Наумова занимает почетное место наряду с гг. Златовратским, Засодимским и другими, с некоторым особым оттенком, если можно так выразиться, воинственного характера»⁴.

¹ Из письма Н. Иорданского (посредник между Плехановым и изд. «Общественная польза», в котором выходил сборник) от 11 января 1905 года явствует, что «план сборника, порядок статей и общее заглавие книги» определены были самим Плехановым. — Дом Плеханова, инв. 2168, ед. хр. 188, 2, л. 1.

² «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 8.

³ Все цитаты и ссылки, кроме оговоренных особо, приводятся по изданию: Г. В. Плеханов, Сочинения, тт. I—XXIV, Госиздат, 1923—1927. В скобках указывается том и страница.

⁴ «Мир божий», 1897, № 2, отд. II, стр. I.

«Н. И. Наумов принадлежит к числу писателей семидесятых годов»¹, — отмечал другой рецензент.

Большинство критиков исходило при этом из факта широкого успеха произведений Наумова именно в 70-е годы, когда «некоторые его рассказы, как «Паутина» напр. и сборник «Сила солому ломит», пользовались особым, почти благоговейным вниманием»², когда «он был одним из любимцев молодежи, и почтенное имя его не напрасно ставилось рядом с именами Решетникова и Левитова»³.

С констатации этого факта начиналась и статья Плеханова. «В семидесятых годах, — говорилось в ней, — Н. И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической (тогда самой передовой) интеллигенции. Его произведениями зачитывались. Особенный успех имел сборник «Сила солому ломит» (X, 110). Эта мысль еще более четко выражена была Плехановым в черновом варианте статьи, где подчеркивалось, что названным сборником Наумова «восхищалась не одна интеллигенция: его очень любили и в грамотных слоях народа»⁴.

Однако Плеханов относил Наумова к семидесятникам не столько потому, что на это время приходилась наибольшая популярность писателя, сколько по характеру его творчества.

Как известно, Плеханов характеризовал народническую литературу 70—80-х годов как особое течение в русском реализме преформенной поры, несущее в себе черты народнической романтики. «Наша народническая беллетристика вполне реалистична» (X, 15), — писал он в программной статье «Г. И. Успенский». Вместе с тем он отмечал, что «в русском народничестве кроется большая доза романтики», которая нашла свое выражение и в произведениях писателей-народников⁵. Те же две тенденции Плеханов выделил и в творчестве Наумова, но поставил их в связь с «эпохой семидесятых годов», когда процесс разложения общины и расслоения крестьянства находился еще в начальной стадии. Это обусловило, по мысли Плеханова, и меру реализма, и форму проявления народнической романтики в произведениях Наумова.

Отсюда, во-первых, та особая задача, которую ставил перед собой Плеханов, разбирая произведения Наумова. Если произведения Г. Успенского, Каронина и Златовратского ис-

¹ «Живописное обозрение», 1897, № 6 (февраль), стр. 19.

² «Мир божий», 1897, № 2, отд. II, стр. I.

³ А. Скабичевский. Н. И. Наумов, «Новое слово», 1897, № 5 (февраль), отд. II, стр. 135.

⁴ Дом Плеханова. Фонд № 1, инв. 5961, ед. хр. Р. 19. 2 в, л. 1. Эта популярность засвидетельствована многими революционерами-народниками 70-х годов, ходившими в народ. См. об этом в работе Н. Ф. Бельчикова «Народничество в литературе и критике», М., 1934, стр. 15—16.

⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. V, Госполитиздат, М., 1956, стр. 754.

пользовались им в борьбе с народниками в качестве доказательства крушения «старо-дедовских устоев» народной жизни, то на материале рассказов Наумова он хотел показать, «каков был этот старый экономический порядок и как отражался он на взглядах, чувствах и привычках народной массы, подвергавшейся его неотразимому влиянию» (X, 120). Под этим углом зрения Плеханов и анализировал наумовские «рассказы из быта сибирских крестьян», особо оговорив их обобщающий, а не локальный «сибирский» смысл, какой придавали им некоторые критики¹.

Характеризуя тот тип крестьянского хозяйства, в условиях которого жили и бедствовали наумовские герои, Плеханов ссылался прежде всего на рассказы «Паутина» и «Юровая».

— «И хорошие, брат, места у нас, да глухие,— говорит в первом из них крестьянин-ямщик.— Суди сам: теперича в урожайный-то год, хлеб-то хошь даром отдавай, так никто не берет у тебя, вот оно дело-то! А подать-то не ждет, по хозяйству тоже без гроша клина не вобьешь, а где их, грошей-то, брать прикажешь? У кого лошадей много, да во времени избыток, нагрузит воза, да в город везет; ему и выгода, и богатеет, а нашему-то брату несподручно это, потому и лошадушек намаешь, и время-то тебе терять не приходится... Вот ты и у хлеба сидишь, а горя не минуешь...»². Те же самые особенности хозяйства, когда, как говорят крестьяне, «и у хлеба сидим, да хлеб-то энот не по нас», Наумов подчеркивает и в рассказе «Юровая», говоря о быте прииртышских деревень³. Это хозяйство Плеханов определял в терминах политической экономии как натуральное, но уже начинающее переходить в товарное.

В процессе работы над статьей о Наумове Плеханов отметил зарисовки писателя, раскрывающие «значение натурального хозяйства в быту мужика», «значение натурального хозяйства и податей в крестьянском быту», «роль богатства в народной жизни» и т. п.⁴. Действительно, в рассказах Наумова наглядно изображалось, как нужда в деньгах толкает крестьянина в цепкие лапы кулака и скупщика, как эти последние, приобретая за бесценок хлеб, рыбу и т. п. продукты крестьянского труда и уплачивая за малоимущих крестьян подати, безраздельно распоряжаются не только временем и трудом, но и «всем сердцем, всем помышлением крестьянина». «В этой бедной забитой жизни капитал играет еще большую роль, чем где-либо, подавляя всякую правдивую мысль, если она родилась в уме

¹ См. статью «Сибирский беллетрист» за подписью С.-Л. («Восточное обозрение», 1898, № 7 от 16 января) и анонимную рецензию на собр. соч. Наумова в двух томах («Русская мысль», 1898, № 2, отд. II, стр. 52).

² Н. И. Наумов, Собр. соч. в двух томах, СПб, 1897, т. I, стр. 54.

³ Там же, стр. 353.

⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, Соцэргиз, М., 1938, стр. 248.

бедняка, одетого в оборванный полушубок и такие же бродни»¹,— горестно замечал Наумов в рассказе «Юровая», подтверждая этот вывод всем содержанием произведения. Это можно сказать и о таких рассказах, как «Деревенский торгаш», «Крестьянские выборы», «Умалишенный» и др.

Итак, деревня Наумова— это деревня натурального хозяйства, еще почти не затронутая развитием капитализма, ибо «ростовщический капитал обирает и принижает производителей, но он не изменяет способов производства» (X, 130). Вот почему писатель, говорит Плеханов, едва-едва касается вопроса о разложении старого быта, вопроса, столь волновавшего представителей младшего поколения беллетристов-народников. Если в «Эскизах без теней» и изображается такой явный признак разложения старой домостроевщины, как рознь между «молодыми» и «стариками», то для Наумова как будто еще неясна связь этих новшеств в семейных отношениях крестьян с некоторыми общими процессами, знаменующими начало конца старого экономического порядка (X, 131).

Какие же черты социально-психологического облика крестьянина вырастают на основе экономического уклада, описанного Наумовым? Отвечая на этот вопрос, Плеханов дал блестящую критику народников, идеализировавших натуральное хозяйство как форму производства, которая будто бы обеспечивает «все-стороннее, гармоничное развитие трудящихся» (X, 123).

Поразительная узость мысли и интересов, индивидуализм и равнодушие к горю своих собратьев, отсутствие какой бы то ни было солидарности, разобщенность, а вследствие этого и полная беспомощность в борьбе с кулачеством, махровым цветом распустившимся на почве натуральной замкнутости и все возрастающей власти денег,— таковы, по Плеханову, реальные черты крестьянской массы в изображении Наумова.

«Мужичье дело, батюшка, одно знать: паши, сей, блюда хозяйство, соблюдай— чего с тебя начальство требует— и не вникайся, ни боже мой!»— такова философия жизни крестьянина, выраженная в рассказе «Зажора» устами хозяйственного мужичка Максима Арефьича²).

Как справедливо отметил Плеханов, дело здесь не в благочестии Максима Арефьича, а именно в натуральном хозяйстве, которое приковывает мысль крестьянина к узко-хозяйственным заботам и тревогам, притупляет его общественные интересы и пр. Бедняки-протестанты, которые «вдаряются в думу», стремясь разобраться в окружающих порядках и изблечить лихоимцев всякого рода, встречают в крестьянской среде опасливое и даже враждебное отношение. В рассказах «Умалишенный» (1879) и «Зажора» (1881), разобранных в плехановской

¹ Н. И. Наумов, Собр. соч. в двух томах, СПб, 1897, т. I, стр. 344.

² Н. И. Наумов, Собр. соч. в двух томах, СПб, 1897, т. I, стр. 285.

статье, показаны такие гонимые протестанты — Осип Дехтярев и Анисим Корольков, кончающие галлюцинациями и пророчествами: их неокрепшая, непривычная к «думе» мысль надламывается от столкновения со сложными вопросами социальной действительности.

Столь же хорошо обрисованы писателем индивидуализм и обособленность крестьян, проистекающие от их хозяйственной обособленности.

В доказательство этого Плеханов ссылался на рассказы «Яшник» (1879) и «Деревенский аукцион»¹. Бессердечное отношение деревни к бедноте, насмешки над бедностью своего же брата-крестьянина, господство сурового правила: каждый за себя, один бог за всех, — действительно, изображены здесь Наумовым без прикрас и свидетельствовали о полнейшем отсутствии солидарности между сибирскими крестьянами.

О разобщенности крестьянской массы свидетельствовали и «Крестьянские выборы» (1873) — типичный для Наумова 70-х годов рассказ, в котором, как и в ранее написанном рассказе «Юровая» (1872), повествовалось об одной из попыток выступления крестьян против своих притеснителей-кулаков и скупщиков. В истории «мирского человека» Егора Бычкова — стойкого защитника крестьянских интересов, выдвинутого народом в волостные старшины, а затем, под влиянием кулацкой пропаганды и незаконных действий властей, покинутого им в беде, — Плеханов справедливо увидел отражение таких черт крестьянской психологии, как отсутствие политической самостоятельности и взаимной выручки, страх перед первой встречной кокардой и т. п. Эти черты — прямое следствие старого экономического порядка, и «увекочение этого порядка необходимо повело бы за собою увекочение тех самых свойств народного характера, о которые так часто разбивалась энергия Бычковых и о которое разбилося впоследствии самоотвержение народников» (X, 120). В этом и заключается, по Плеханову, мораль многих произведений Наумова, поучительная для народников 90-х годов, певших дифирамбы натуральному «народному производству».

Нужно сказать, что если Плеханов правильно соотнес нарисованную Наумовым картину народной жизни с эпохой 70-х годов, то он не заметил другой сильной черты его творчества, связанной с этим временем, — того «воинственного оттенка», о котором писал и А. Богданович и другие критики. Как ни прав Плеханов, вспоминая по поводу отдельных «чувствительных» мест в рассказах Наумова Карамзина и его школу², гораздо вернее оценивали положение вещей те критики, которые указывали, что писатель в основном «взял ту сторону народной жиз-

ни, в которой выразился протест»¹. Этот боевой, протестанский дух — характерная черта народнической литературы 70-х годов (напомним хотя бы такое программное произведение этого периода, как «Хроника села Смурина» П. В. Засодимского), и без учета его характеристика Наумова как писателя-семидесятника является неполной. Некоторые критики писали о том, что, «примкнув к школе идеализаторов народа, Наумов видит в сибирском крестьянине только олицетворение всяких добродетелей и величавых качеств»². Плеханов своим анализом опроверг это мнение, но не обратил должного внимания на фигуры борцов за правду, выведенные Наумовым и олицетворяющие боевой демократизм крестьянских масс.

К эпохе 70-х годов возводит Плеханов и ту «дозу романтики», которая была свойственна Наумову. Она заключалась в идее однородности крестьянства, в непонимании классового антагонизма внутри самой крестьянской массы. В эту переходную эпоху, когда, после падения крепостных отношений, крестьянская Россия еще не раскололась на новые резко обособленные классы, демократическая интеллигенция, по словам Плеханова, «была убеждена, что между крестьянином-кулаком и крестьянином-жертвой кулацкой эксплуатации нет ровно ничего общего; кулак казался ей случайным плодом внешних неблагоприятных влияний на народную жизнь, а не необходимым результатом той фазы экономического развития, которую переживало крестьянство» (X, 116). Подобный взгляд И. А. Гурвич называл «общей иллюзией» народников 70-х годов, а В. И. Ленин замечал, что впадать в эту иллюзию в 70-х годах, «когда еще не обнаружилось так ярко разложение деревни», было «позволительно и даже естественно»³.

Отсюда у Наумова стремление подчинить изображение деревни схеме, заданной этими народническими представлениями. У Наумова, говорит Плеханов, «есть только два героя: эксплуататор и эксплуатируемый. Эти герои отделены друг от друга целой бездной, и никаких переходов от одного к другому, никаких связующих звеньев не замечается» (X, 116). Длинная галерея изображенных Наумовым «новых людей деревни» — торговцев, скупщиков, кулаков, кабатчиков и т. п. — не оставляет никакого сомнения в правильности плехановского вывода. Прохор Игнатич Белкин, по прозвищу «Петля», в предпраздничных сценах «Деревенский торгаш» (1871), скупщик рыбы Петр Матвеевич Вежин в «Юровой», Данила Безсомыкин и Трофим Шебалин в «Крестьянских выборах», «торгующий крестьянин» Василий Иванович Мятлев в рассказе «Погорельцы», кабатчик

¹ М. Цебрикова. Беллетрист-народник, «Русская мысль», 1896, № 2, отд. II, стр. 73.

² С. Венгеров. Наумов Н. И., Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 28, стр. 85.

³ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 237—238.

Антон Прокопьевич в «Нефедовском починке» и т. д. и т. п.— резко противопоставлены остальной массе крестьянства. Все они, за редким исключением, пришлые со стороны люди. Одни из них имеют «городское» происхождение (Белкин, Вежин), другие, хотя и выходят из крестьянской среды, но школу хищничества и разбоя проходят в городе (Трофим Шебалин, Еремей Осокин в рассказе «Кающийся»). Их появление в деревне автор объясняет «посторонними влияниями» и «наносами извне», происхождение их богатства — игрой «фортуны», а самую возможность их существования — «неразумием» крестьян.

Особая форма идеализации крестьянства, которую Плеханов отметил у Наумова, свойственна была народнической литературе именно в 70-е годы. Ей отдали дань П. В. Засодимский и Ф. Д. Нефедов, ранний Златовратский и поздний Левитов. Всех их объединяло с Наумовым то, что они не видели корней капитализма в самом крестьянском хозяйстве, принимали кулачество за нечто чуждое крестьянской массе и изображали деревню, ее классовую структуру по формуле «кулак и его жертва».

Д. Н. Овсяннико-Куликовский, говоря в своей работе «Литература 70-х гг.» об одном из этих писателей, справедливо замечал: «Народничество Нефедова характерно именно для 70-х годов, когда даже ненародники верили в «задатки» народной психологии и жизни, а все отрицательное приписывали влиянию внешних неблагоприятных условий»¹. Отсюда — то иллюзорное представление о крестьянине и кулаке, которое дает знать в произведениях семидесятников. В девяностые же годы такая однотонность изображения воспринималась как недостаток народнической литературы 70-х годов не только марксистской критикой. «Все его очерки, — писал, например, о Наумове А. Богданович, — это «эскизы без теней», как он сам назвал некоторые из них. Персонажи его резко делятся на два разряда: кулак-«кровопивец», с одной стороны, с другой — «народ-страдалец»².

С конца 70-х — начала 80-х годов эта схема решительно пересматривается в литературе. «Деревенские будни» Златовратского и «Деревенский дневник» Г. Успенского — два классических произведения народнической литературы, вышедшие в 1879 году, положили начало этому пересмотру. Затем последовали прямые полемические выступления против формулы «кулак и его жертва» в «Очерках деревенского настроения» (1881) Златовратского и в очерке «Равнение под одно» (1882) Г. Успенского. В 1880 году, еще до этого выступления, Успенский в очерке «Малые ребята», как бы отвечая писателям-семидесятникам, которые считали кулачество явлением наносным и не захватывающим глубин народной жизни, писал: «Что такое

кулак? Существует мнение, что деревня портится, расстраивает свои порядки от пришлого со стороны человека... Мы охотно верим в дурное влияние на деревню пришлых элементов, но никоим образом не можем только ими объяснить деревенского кулачества... Беда именно в том и состоит, что кулачество — явление не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, органический недуг»¹.

Это было подлинным открытием, и народническая литература 80-х годов хорошо его усвоила, как об этом можно судить по произведениям А. И. Эртеля, Н. Е. Каронина-Петропавловского, Н. М. Астырева и других. В рассказе «Из одного корня» (1880), входящем в эртелевские «Записки степняка», в рассказе Каронина «Братья» (1881), в очерке Астырева «Парфены-мироеды» (1886) совершенно отчетливо ощутимо влияние Успенского в решении вопроса о сущности и происхождении деревенского кулачества². Эту новую фразу в развитии народнической литературы Плеханов охарактеризовал в двух других статьях серии «Наши беллетристы-народники», посвященных Г. Успенскому и Каронину и продолжающих непосредственно его работу о Наумове.

¹ Г. И. Успенский, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, 1953, стр. 343—345.

² Кулаки и мироеды, говорит Астырев, «никак не могут считаться наносным или случайным явлением в деревне: они — экономическая категория, они — продукт, неизбежно вырабатываемый каждой достаточно большой по численности общиной, в которой дифференциация и индивидуализм находят достаточно почвы для своего развития». И еще: «...деревенские Парфены-мироеды — явление, логически проистекающее из данного экономического и общественного строя, и существование их так же строго необходимо, как необходимо появление лишая и мхов на гниющем стволе дерева». (Н. М. Астырев. В волостных писарях, СПб, 1886, стр. 119 и 136).

¹ История России в XIX веке, изд. А. и И. Гранат, стр. 49.

² «Мир божий», 1897, № 2, отд. II, стр. 2.